

НЕВИДИМАЯ РУКА

→ ЧАСТЬ 3 ←

ПРОЕКТ «ФЕНИКС»

ВЯЧЕСЛАВ

АВТОР

18+

Вячеслав Автор
Невидимая рука. Часть
3. Проект «Феникс»

<https://litres.ru/74113991>

SelfPub; 2026

Аннотация

Земля, на стыке XXIV-XXV веков. Планета-свалка под властью тирана по прозвищу «Палец». Пока элита видит сны на Луне, выжившие на поверхности платят кровью за право дышать. Но в антарктических льдах уже зреет заговор.

Профессор Ариэль Коэн, член Совета Шести, ставит на кон всё. Его армия — отбросы системы, его метод — ядерный Армагеддон, его проект — «Феникс». Это не восстание ради свободы, это личная вендетта богов. Чтобы добраться до горла Президента мирового правительства, Коэну придется вести за собой убийц с Титана и фанатиков.

В этой войне не будет святых. Только те, кто успел выстрелить первым.

Содержание

Проект «Феникс»

4

Конец ознакомительного фрагмента.

34

Вячеслав Автор

Невидимая рука. Часть

3. Проект «Феникс»

«Всё было окрашено в кровавый цвет, который потом изменился, поскольку Разрушитель имел свой путь. И всё это вызвало смерть и разрушение при его восхождении и появлении в небе. Он окутал Землю серым дождем пепла и вызвал много эпидемий, голода и другого зла».

Проект «Феникс»

Глава 1. Гимн «Истинной зари»

В лекционном зале бывшего НИИ Космопсихологии и Адаптивной Семиотики — широко известного как «Космосфера» — царил унылый полумрак. Это был огромный амфитеатр на сто человек, где в лучшие годы читали лекции по астрофизике, космобиологии и многомерной топологии.

Но амбиции местных учёных простирались куда дальше классической науки. В этих стенах, пропитанных отголоском дерзких теорий, всерьёз моделировали возможность контак-

та с негуманоидным разумом и препарировали саму ткань реальности. Здесь пытались математически обосновать существование Астрала. В секретных отчётах его описывали как «резонансное взаимодействие энергоинформационных полей». Учёные надеялись обнаружить в скрытых измерениях иные формы жизни — свободные от белковых тел. Не просто призраков, а существ, сотканных из чистой мысли.

Впрочем, долго это не продлилось. Режим, одержимый тотальным контролем и стерильностью мышления, не терпел конкурентов в борьбе за умы. Институт был ликвидирован быстро и безжалостно — как идеологическая диверсия.

Официальная директива Совета Безопасности заклеямила их исследования как «метафизическое мракобесие» и «опасную лженауку, подрывающую когнитивную стабильность общества». В мире, где счастье измерялось социальным рейтингом, а лояльность — биометрическими алгоритмами, сама идея иного, неподконтрольного властям мира была признана преступлением против государства. Поиск Астрала давал надежду на свободу за пределами цифрового концлагеря, а Система не могла позволить своим «счастливым гражданам» даже мечтать о побеге. Двери закрыли, архивы изъяли, персонал стёрли из баз данных. Так было доказано: в этой утопии единственной разрешённой бесконечностью была воля «Демииургов».

Теперь здесь пахло мёртвой техникой — смесью вековой пыли и остывшего металла. Но сквозь этот затхлый дух про-

бивалось нечто иное. Воздух казался истончившимся, натянутым до звона — словно мембрана, готовая лопнуть между мирами.

В центре, на возвышении демонстрационной платформы, стоял пастор. Его называли Рэйвен.

Седые волосы, спутанные, будто древняя паутина, падали на плечи чёрного, поглощающего свет одеяния. В руке он сжимал жезл из тёмного дерева, увенчанный каменной шишкой — символом просветления. Луч аварийного прожектора бил снизу, превращая лицо проповедника в маску из пляшущих теней.

— Истинная заря — ваш путь! — выкрикнул Рэйвен, вскинув руки к невидимому небу.

В резком свете прожектора его разноцветные глаза горели пугающим огнём. Один — льдисто-голубой, глаз холодно-го аналитика. Другой — карий с золотой искрой, глаз одержимого фанатика. Этот диссонанс гипнотизировал, подавлял волю.

Сотня адептов отозвалась единым, вымученным вздохом: — Наш путь...

— Я — ваш пастух! — Рэйвен провёл ладонью по пыльному кожуху старого терминала. На костлявых пальцах тускло блеснули перстни с мутными камнями. — Учёные, работавшие здесь, были слепы! Они пытались измерить душу линейкой! Глупцы! Я указываю вам дорогу к возрождению, которой нет в их лживых формулах!

Он с презрением пнул моток оптоволокна, валявшийся под ногами, словно дохлая змея.

— Этот мир погружён во мрак. Демоны рвут его на клочья.

При слове «демоны» по залу прошёл озноб. Рэйвен резким движением отбросил волосы назад. Воротник мантии сместился, обнажив татуировку на шее: багровый феникс, объятый чёрным пламенем.

— Это демоны расчёта! Демоны так называемого «здорового смысла», выстроившие для вас тюрьму из логики и безнадёжности! Для них вы — переменная в уравнении! Вы — сырьё! Рабы!

— Рабы... — прошелестел шёпот толпы. В нём слышался стеклянный дребезг надвигающейся истерии.

— Человечество стоит у края пропасти! — взвизгнул пастор, ударив наверху жезла по консоли. Зал отозвался низким гулом — будто десятки мёртвых машин попытались заговорить разом.

Рэйвен вдруг замолчал. Шагнул назад. Из складок рясы он извлёк тонкую книгу в потрёпанном кожаном переплёте — без названия, без маркировки. Держал её так, будто она весила больше, чем могла.

— Это не мои слова. — Голос упал до хриплого шёпота. Зал затаил дыхание. — Это слова тех, кто видел *прошлое* уничтожение. «Великая книга огненных ястребов». Земля была уничтожена дважды. Один раз — огнём. Один раз —

водой. — Он раскрыл книгу, но не смотрел в страницы. — И вот что было написано о людях *перед* водой:

Его голос приобрёл новое качество — монотонное, ритуальное, как у чтеца на похоронах:

— *«Люди жили только ради удовольствия. Непристойность и ложь были на языках всех. Брат не мог поступать справедливо с братом. Правители были коррумпированы. Земля оставалась без присмотра, ибо люди растратили свои силы в непродуктивных похотях. Жёны не были почитаемы. Мужчины убивали друг друга из-за ничтожных женищин. Девственниц соблазняли и развращали в детстве. Обман и насилие были видны везде».*

Он захлопнул книгу. Резко. Звук щелчка прострелил тишину.

— Это *не* про вас. — Пауза. — Это про *них*. Про тех, кого смыло. — Он обвёл взглядом зал, давая словам осесть. — Но скажите мне — что из этого вы не видите *сегодня*? За окном? В лентах новостей? В своих соседях?

Никто не ответил. Потому что все знали ответ.

— Земля уже была уничтожена за меньшее. И Разрушитель не спрашивает разрешения. Он просто приходит. Он уже идёт. Я чувствую это. Вы чувствуете это. Именно поэтому вы здесь.

Он снова раскрыл книгу. На этот раз — смотрел в страницы. Голос стал тише и ровнее, что было страшнее любого крика:

— «Люди забыли дни Разрушителя. Только мудрые помнят, куда он ушёл — чтобы вернуться в свой назначенный час».

— Рэйвен поднял взгляд. — Вот каким он был. Слушайте. Снова — ритуальный речитатив:

— «Он был похож на вздымающееся облако дыма, окутанное огненным жаром. Его рот — бездна, извергающая пламя и горячий пепел. Горы изрыгали огонь. Моря вскипали. Небеса горели красноватым огнём. И настал День Темноты».

Пауза. Он медленно перелистнул страницу.

— А вот знаки его возвращения. Написанные тысячи лет назад. — Рэйвен начал считать — не по пальцам, а по строкам, водя костлявым пальцем вдоль текста. — «Люди будут летать по воздуху, как птицы, и плавать в морях, как рыбы». Сбылось? — Он не ждал ответа. — «Женщины станут как мужчины, мужчины — как женщины». Сбылось? «Единая вера придёт на все части Земли, ведя мирные переговоры, приносящие войну». Сбылось? «Брат будет бороться с братом. Отцы перестанут наставлять сыновей. Сыновья станут своенравными. Смута возникнет в сердцах людей — они будут искать, не зная что».

Он захлопнул книгу во второй раз. Но теперь — тихо. Почти бережно.

— Всё сбылось. До последней буквы. — Его разноцветные

глаза медленно обвели зал.

— *«И тогда появится Предвестник Погибели. Он прибует незаметно — как могильный вор. Люди не будут знать, что это. Люди будут обмануты».*

Он помолчал ровно три секунды.

— Я не говорю вам, кто этот Предвестник. Я говорю вам лишь одно: час Разрушителя близок. И немногие будут собраны для спасения.

Он медленно поднял голову. Голос — совсем тихо, почти для себя:

— Книга написана тысячи лет назад. А Мировое Правительство знает об этом. Они *всё* знают. И всё равно строят вам клетку — чтобы вы не успели выйти.

Удар кулаком по консоли.

— Они слуги главного демона — Материализма! Они приносят ваши души ему в жертву — пока Разрушитель идёт!

Рэйвен навис над паствой. Его глаза, казалось, светились собственным недобрым светом.

— Но здесь, где их наука сдохла, мы начнём восхождение! Только путь к Агарте спасёт нас, когда грянет Армагеддон! Но помните: Агарта не примет тех, кто отравлен ядом сомнения. Вы станете статическим шумом, обречённым эхом, вечно мечущимся в пустоте!

Толпа замерла, парализованная почти осязаемой угрозой. Голос Рэйвена упал до змеиного шёпота. Люди подались впе-

рѣд:

— Уверуйте... Сотрите старые файлы... Отформатируйте память... Отрекитесь...

И тут же его крик снова хлестнул по ушам, как лопнувшая струна:

— Неужели вы не видите?! — Он обвёл жезлом зал. — Вас препарируют! Вам присваивают коды! Вбивают в черепа рейтинги! Они решают, о чём вам думать, что жрать и кому молиться! Вас превращают в скот, счастливый в своём цифровом стойле! Они предлагают иллюзию выбора между двумя сортами яда: сытой покорностью в загоне — или голодной смертью за забором! А тех, кто откажется быть «счастливым», — просто удалят!

Он шагнул к самому краю платформы.

— Они украли у вас Бога, чтобы занять его трон! Но они — не боги. Они слепые, злобные демиурги, превратившие этот мир в Ад, работающий по расписанию!

Рэйвен воздел жезл к сводчатому потолку.

— «Истинная заря» докажет им, что вы — не овцы! Вы — Архонты нового мира! И только наша вера — это таран, что сокрушит врата Агарты!

Последнее слово ударило по перепонкам, отразилось от бетонных стен и медленно затихло. Наступила оглушительная тишина — лишь хриплое, прерывистое дыхание сотен людей и их экстатическая дрожь. Они смотрели на него расширенными зрачками, готовые прямо сейчас, по одному

щелчку, броситься в бездну.

Рэйвен замер, удерживая позу. Он выждал ровно столько, сколько требовалось — чтобы священный трепет достиг пика, но не перегорел в усталость.

Затем медленно, подчёркнуто тяжело опустил руки — словно сбрасывая с плеч невидимый груз всего мироздания. Пророческая ярость схлынула с его лица, как отлив, уступая место выражению глубокой, скорбной озабоченности. Он устало потёр переносицу, давая понять пастве: общение с высшими силами — тяжкий труд.

Пастор оперся на жезл — уже не как на оружие, а как на трость — и обвёл зал взглядом. Священный огонь угас, сменившись холодной, приземлённой деловитостью.

— Но, чтобы дойти до врат, нам нужно пережить эту зиму. — Его голос стал тише, будничнее, почти скучным. Магия момента рассеивалась, уступая место суровой реальности. — Война с демиургами — это не только дух. Она требует бюджета.

Он сделал паузу. На гигантском экране за его спиной вспыхнули реквизиты и имя. Рэйвен вздохнул — как школьный учитель, диктующий домашнее задание:

— Делайте пожертвования. Можно переводом. Карта оформлена на моё мирское имя... Лаптев Ананий Христович. Номер на экране.

Имя — чудовищное в своей нелепой, канцелярской приземлённости — повисло в воздухе, убивая мистику наповал.

Он выждал секунду, давая информации улечься, и добавил тоном опытного менеджера:

— Также на выходе можно приобрести мой манифест. Твёрдый переплёт с картинками. Недорого.

В его голубом глазу плескался лёд, а карий хитро шурился. Но вместо разочарования произошло обратное. Словно по невидимой команде, сотня рук взметнулась к тусклым лампам. Одна женщина, первой очнувшись от оцепенения, затанула тонким, срывающимся голосом гимн «Истинной зари». Через мгновение её поддержали остальные.

Кто-то рыдал навзрыд, размазывая косметику. Кто-то смеялся тихим, безумным смехом — словно понял главную шутку Вселенной. Другие раскачивались в трансе. И все они пели, восхваляя Рэйвена, Агарту и спасительную карту Анания Христофоровича.

Рэйвен смотрел на них холодно. С каждой проповедью его мастерство росло. Он научился идеально выверять дозу: шепотка мистического ужаса, ложка параноидального гнева на систему — и ледяной душ прагматизма в финале. Этот коктейль действовал безотказно.

Месяцы текли вязкой чередой.

После песнопений к нему подходили люди. Рыдающая женщина сорвала с себя фамильные серьги. Дрожащий старик протягивал серебряный портсигар. Пожертвования текли рекой: антиквариат и драгоценности оседали в карманах рясы, а цифры на счету Анания Лаптева — незаметно для

паствы — росли.

Закончив сбор «урожая», Рэйвен — он же гражданин Лаптев — скрылся за экраном, в бывшей аппаратной.

Помещение, служившее ему гримёркой и кабинетом, встретило запахом дешёвого освежителя и застарелого пота. У монитора с транзакциями сидел помощник — суетливый, тощий парень по имени Коля.

— Коля, что-то сегодня вяло, — бросил Ананий, с облегчением стягивая душную чёрную рясу. — Экстаза маловато. На галёрке чуть не заснули. В чём дело?

— «Чудо-Газ» закончился, Ананий Христофорович, — тихо ответил Коля, не отрываясь от экрана. — Баллона «Дыхания Агарты» хватило только на первые полчаса.

— И ты сообщаем об этом сейчас? — в голосе Лаптева было раздражение. — Гениально.

— Я докладывал. Неделю назад, — буркнул Коля, вжимая голову в плечи.

— Ладно. Чтобы к следующему сеансу было. Иначе найду замену.

— Мне кредиты нужны. На закупку.

— Я тебе разве не переводил? — Ананий нахмурился, роясь в карманах дизайнерского пальто.

— Переводили. Полгода назад. На партию, которая кончилась три месяца назад.

— Слишком много расходуешь. Экономнее надо. Разбавляй.

— Я уже второй раз разбавляю! Дальше только вода из-под крана — эффекта вообще не будет.

— Держи. — На стол со стуком упал чип.

Коля глянул на номинал и скривился: — Ананий Христофорович, тут и на половину баллона не хватит!

— Свои добавь. Не обеднеешь. Откуда у меня лишние средства? — Ананий обвёл рукой обшарпанный письменный стол, ничуть не смущаясь того факта, что сумма пожертвований на экране за его спиной перевалила за семизначную отметку.

«Жадный упырь», — подумал Коля, а вслух с отчаянием произнёс: — Так вы мне зарплату третий месяц задерживаете. С чего добавлять?

— Не нравится — дверь там. На твоё место очередь из «архонтов» стоит, готовых служить за идею, — отрезал Лаптев.

Не добавив ни слова, он закончил складывать пожертвования в алюминиевый кейс. Через чёрный ход он вышел на заброшенную техническую платформу.

Там, сияя хромом под грязно-рыжей луной, пробивавшейся сквозь смог, его ждал личный люксовый флаер. Двигатели бесшумно ожили, и машина плавно ушла в небо — унося Анания Христофоровича прочь из грязных подземелий, в загородный особняк с видом на мёртвое, но живописное озеро.

Флаер коснулся посадочной площадки у трёхэтажного до-

ма, выстроенного из чёрного вулканического камня, отполированного до зеркального блеска.

Лаптев достал из багажника тяжёлый кейс — сегодняшний улов. Игнорируя холодную роскошь интерьеров, он сразу прошёл к скрытой за деревянными панелями двери.

Лестница вела вниз. В настоящий дом.

То, что в документах значилось подвалом, на деле было колоссальным бункером в четыре уровня. Его личный ковчег. Его персональная Агарта. Полная автономия: фильтрация воздуха, скважина, гидропонные фермы, компактный ядерный реактор, склады с сухпайками и консервами, винный погреб и шкаф с коллекцией фильмов XX века. Здесь можно было с комфортом пережить любой Армагеддон, который он так красочно обещал своей пастве.

Пройдя запутанными коридорами, Ананий остановился перед массивной гермодверью. Сканер сетчатки пискнул, запоры с шипением разошлись.

Сокровищница.

На стеллажах в бархатных ячейках покоились реликвии, вырванные из прошлой жизни его прихожан. Антикварные часы, замершие полвека назад. Картины забытых мастеров. Семейное серебро и украшения. Всё, что люди отдавали, чтобы стать «Архонтами», оседало здесь.

Бережно, почти с нежностью любовника, он расставил новые поступления. Серьги плачущей женщины заняли место на бархатной подушечке. Старинный портсигар лёг в ряд с

десятком таких же.

Закончив, он отступил на шаг, потёр небритый подбородок и обвёл взглядом своё подземное царство.

— Хорошо, — выдохнул он в стерильную тишину бункера. — Очень... хорошо.

Глава 2. Господин Коэн

Некоторое время спустя.

Башня Антарктической Научной Директории пронзала низкое серое небо, словно стерильная игла. В кабинете на верхнем уровне, где абсолютную тишину нарушал лишь шелест климатических систем, профессор Ариэль Коэн препарировал данные.

Он стоял перед проекционным столом, ленивым движением кисти вращая голограмму континента. Антарктида парила в воздухе — но это была уже не та белоснежная пустыня, какой её помнили учебники истории. Континент был наполовину лишён ледяного панциря. Там, где раньше давили на материк километры вечного льда, теперь зияла голая, бурая порода.

Коэн то увеличивал, то уменьшал масштаб, вглядываясь в красную сыпь, покрывшую зоны оттаивания. Геотермальная активность росла третий год подряд — по всем показателям, которые не принято было публиковать. Небо над полюсом приобрело медноватый оттенок, который его коллеги списы-

вали на взвесь вулканического пепла. Коэн знал, что это не пепел. Он пока не знал, что именно, — и это его злило больше всего остального. Рядом в воздухе висели сводки службы безопасности и истеричные отчёты экологов. Цифры ему не нравились.

Он сфокусировался на скоплениях «язв» у подножия гор, поглаживая бороду.

— Долбаные сектанты, — процедил он, с безразличностью разглядывая котлованы, нарытые адептами «Истинной зари».

Коэн коснулся сенсора интеркома.

— Зайди.

Двери бесшумно разъехались, и в кабинет вошёл помощник — молодой человек с идеальной осанкой и пустым взглядом исполнительного дроида.

— Да, профессор?

Коэн не обернулся. Он продолжал смотреть на карту, где красная опухоль активности культа разрасталась.

— Я изучил деятельность группы «Истинная заря», — произнёс Коэн холодным, лишённым эмоций тоном. Лёгкий взмах пальцев — и пакет данных перелетел с его экрана на интерфейс нейропроцессора помощника. — Хватит терпеть этот цирк. Доставь мне сюда их лидера. Этого афериста, Лаптева.

Он на секунду задумался, вспоминая досье: фанатики, маргиналы, отбросы общества.

— И найди переводчика, — добавил он с брезгливой ухмылкой. — Если этот дикарь не знает английского. Всё, выполняй.

Коэн резко, словно отсекая гангрену, смахнул голограмму. Антарктида растворилась, оставив после себя лишь холодное голубоватое свечение.

— Да, сэр. Понял. Будет сделано, — быстро проговорил помощник и, развернувшись на каблуках, исчез за дверью так же бесшумно, как и появился.

Коэн остался один. Он подошёл к панорамному окну, за которым простиралась уже не величественная белая равнина, а бурая, изъеденная проплешинами пустошь. То, что они так старательно пытались превратить в цветущий сад, пока больше напоминало гигантское чавкающее болото — вскрытый могильник вечной мерзлоты, окутанный клубами тяжёлого геотермального пара.

Спустя две недели двери кабинета снова разъехались. Двое охранников в матовой тактической броне буквально внесли посетителя и поставили его в центре комнаты, как мешок с ветошью.

Коэн не торопился. Он дал секунде растянуться — намеренно, профессионально. Это был старый приём допроса: дать человеку постоять в тишине, пока его собственное воображение не сделает половину работы. Судя по тому, как у Лаптева дёрнулось веко, — сработало.

Это был тот самый «ощипанный ворон». Без пафосной

чёрной рясы, без мистического жезла с шишкой, без правильно выставленного света — и, главное, без восторженной толпы за спиной. Великий пророк Рэйвен сдулся. Теперь это был просто помятый, дрожащий мужчина в дорогом, но уже несвежем дизайнерском костюме. Его знаменитые спутанные волосы висели сальными сосульками, а разноцветные глаза — некогда завораживающие — теперь бегали из стороны в сторону в паническом поиске выхода, которого не было.

Коэн даже не встал из-за стола. Он окинул вошедшего взглядом, каким энтомолог смотрит на любопытного, но грязного жука, насаженного на булавку.

— Good afternoon, Mr. Laptev, — произнёс он ровным, ледяным тоном, от которого, казалось, температура в комнате упала ещё на пару градусов.

Ананий Христофорович вжал голову в плечи, судорожно сглотнул, моргнул своим «аналитическим» голубым глазом и сипло выдавил:

— Чё?..

Коэн устало вздохнул, закатил глаза к стерильному потолку и небрежно махнул рукой переводчику, бесшумной тенью стоявшему у стены.

Переводчик, бесстрастный, как голосовой помощник, тут же заговорил по-русски, стараясь передать интонации босса:

— Итак. Ситуация скверная, мистер проповедник. Ваша секта обнаглела. Мало того, что вы прёте буром на Систему — вы ещё внаглую обогащаетесь, не отстёгивая налоги. Ну

да ладно, — переводчик сделал паузу, пока Коэн небрежно отмахнулся, — это я могу понять. Каждый зарабатывает, как может. Биология, паразит должен сосать кровь.

Рэйвен судорожно сглотнул, чувствуя, как к горлу подступает липкий ком страха. В этом кабинете, на вершине мира, его харизма испарилась, оставив только потного мужика по фамилии Лаптев.

Коэн брезгливо смотрел на Анания.

— Система отпустила вожжи, — с горечью проворчал он. — Вот и расплодились всякие маргиналы, как плесень в чашке Петри. Вы поносите Систему на чём свет стоит, зарабатываете на этом миллионы... и знаете, что самое смешное?

Он ткнул пальцем в планшет, лежавший на столе:

— У вас социальный рейтинг — 6,1. Удивительно. Просто парадокс! Вы — паразит, который живёт за счёт организма, который отравляете, и этот организм вас ещё и поощряет.

Профессор потёр переносицу.

— Ещё десять лет назад за меньшее вас бы уже отправили на Титан — метан добывать пожизненно. И поверьте, Лаптев, там аудитория куда менее благодарная, чем ваши истеричные домохозяйки. Там вашим «дыханием Агарты» был бы вакуум.

Коэн встал и медленно подошёл к панорамному окну, заложив руки за спину. Переводчик продолжил:

— Вы можете промывать мозги своей пастве сколько угодно пока это не выходит за рамки безобидного клуба «вечер-

него чаепития» для умалишённых, мне плевать. Но вы, Лаптев, совершили ошибку. Вы подключили спонсоров. Спонсоров с очень большими средствами!

Коэн резко обернулся.

— И эти люди начали рыть котлованы по всей Антарктиде! Вы строите бункеры Судного дня на моей территории! — голос переводчика оставался ровным, но взгляд Коэна жёг напалмом. — Это не ваш уровень, мистер. Лезть выше головы опасно — пупок развяжется или шея хрустнет. Вы даже не получили разрешения от Научной Директории на проведение земляных работ. Кем вы себя возомнили? Новым мессией? Или вы просто идиот, который решил, что законы физики и Директории на него не распространяются?

— Объяснитесь. Я слушаю. Так кто вы сейчас: господин Лаптев или «великий» Рэйвен?

— Можно... Ана... Ананий, — заикаясь, пролепетал сектант, нервно комкая в руках полу пиджака. Он избегал смотреть в холодные глаза профессора. — А впрочем, как вам будет удобно... господин.

— Вот. Вот теперь вы на верном пути, Лаптев! — Коэн удовлетворённо кивнул, словно дрессировщик, добившийся послушания от непослушной дворняги. Он снова опустил в кресло, скрестив пальцы перед собой. — А теперь рассказывайте. Я внимательно слушаю.

— Кхм-кхм... — Лаптев прочистил горло, пытаясь вернуть себе хоть каплю самообладания. Он решил: раз перед

ним человек власти, говорить нужно на языке выгоды. — Ну, видите ли... я просто даю людям то, что им нужно. Надежду. Я всего лишь пастух заблудших овец. А если овцы сами хотят, чтобы их стригли, и хорошо за это платят... я же не могу отказываться? Это ведь рынок, господин. Спрос рождает предложение. Я просто... удовлетворяю спрос.

Коэн откинулся в кресле и рассмеялся. Это был сухой, лающий смех — без грамма веселья, только холодное изумление безграничной человеческой наглостью.

— И как вам это удаётся? Я просто удивляюсь, — произнёс он, покачивая головой, словно разглядывая редкую бактерию под микроскопом. — Ладно. А теперь — по существу.

Лицо его мгновенно стало серьёзным и жёстким, как выключенный экран монитора.

— Как я уже сказал, мне глубоко наплевать, каким именно способом вы зарабатываете на свой бутерброд с икрой. Хоть продавайте воздух, хоть танцуйте с бубном. Вопрос в другом: чем вы занимаетесь на самом деле?

Коэн сделал нетерпеливый, вращательный жест кистью — словно перематывая скучный фильм.

— Давайте ближе к делу, Лаптев. Котлованы. Бетон. Оборудование. Зачем это всё? И не пытайтесь скормить мне сказку про спасение от демонов — у меня на неё патологическая аллергия.

— Я — провидец, — вдруг выпалил Лаптев, выпрямляясь. В его голосе неожиданно прорезались нотки той самой

проповеди, от которой рыдали домохозяйки. — Я знаю, что скоро конец света. Я вижу знаки! И я хочу спасти своих истинно верующих от забвения во время Армагеддона. Вот... если вкратце.

Коэн поперхнулся воздухом. Рука, занесённая для очередного жеста, замерла. Он качнулся вперёд так резко, что дорогое гравитационное кресло жалобно скрипнуло. Профессор вцепился в подлокотники побелевшими пальцами и буквально вытаращился на Лаптева. Его глаза округлились до размеров чайных блюдец — словно он увидел, как таракан начал декламировать Шекспира.

Профессор замолчал на три секунды. Именно три — Лаптев потом успел их посчитать. В эти три секунды лицо Коэна не выражало ровным счётом ничего. Это было страшнее любой ярости.

— Вы что... больной? — выдохнул он, и лицо его начало медленно наливаться багровым цветом. — Или вы вздумали издеваться надо мной? Здесь?! В моём кабинете?! Вы пять минут назад говорили про «стрижку овец», а теперь лепите мне про Армагеддон?!

— Господин, так одно другому не противоречит, — поспешно вставил Лаптев, нервно поёрзав лакированным туфлем по стерильно чистому полу. — Спасение души — услуга премиальная, а ковчег на одних молитвах не построишь. Бетон нынче дорог, сами знаете.

Коэн молча смотрел на него, подбирая слова. В его взгля-

де читалась смесь брезгливости и невольного научного интереса к этому уникальному образцу человеческой наглости. Его мозг, привыкший к чётким алгоритмам, буксовал от этой дикой логики.

— Так, ладно, — наконец выдохнул профессор, резко махнув руками, словно разгоняя невидимый дым. — Предположим. Допустим на секунду, в порядке бреда, что я вам поверил. И что же вы видите? Рассказывайте.

Он подался вперёд, хищно прищурившись.

— А после я решу, что с вами дальше делать. Потому что вы, Лаптев, загадка природы: вы или клинический жадный идиот... или такой проныра, которого ещё поискать. И поверьте, от моего диагноза зависит, выйдете вы отсюда через дверь или через шлюз для утилизации органики.

— Господин Коэн, ну посудите сами, — Лаптев развёл руками, и на мгновение в нём снова проступил оратор, способный увлечь толпу. — Планета задыхается в токсичных отходах. Биосфера гибнет, а всем плевать! Скоро дышать нечем будет. И при этом Система душит каждого, лишая остатков свободы выбора. Рейтинги, «социальная польза», индексы лояльности...

Лаптев начал загибать пальцы, перечисляя грехи прогнившего мира:

— Если ты не используешь импланты — ты дикарь. Если ты не веришь пропаганде — ты маргинал. Если ты не потребляешь — ты овощ. И всё это подаётся под приторным

соусом «заботы о гражданах».

Он хитро прищурился своим карим, «фанатичным» глазами.

— Я лишь нашёл правильный рычаг. Я смог убедить влиятельных и, заметьте, преданных людей в простой истине: если мы умрём, они не успеют воспользоваться своими капиталами. Они люди прагматичные. Они не хотят проверять, есть ли жизнь после смерти, раньше времени. Вот и вкладываются в бункеры. Ковчеги — только для верующих «Истинной зари». Мы сможем переждать «тяжёлые времена».

Лаптев понизил голос, добавив драматизма:

— А Армагеддон — последняя битва — ещё не скоро. Конец света будет иным. Земля сгорит огнём с небес, и не уцелеет никто. Лишь те, кто найдёт врата в Агарту. И поверьте, сейчас я не шучу. Говорю совершенно серьёзно.

Он замолчал. В кабинете стояла такая тишина, что был слышен тихий гул климатической системы — ровный, как пульс умирающего.

Коэн скептически изогнул бровь, глядя на собеседника как на пациента психиатрической клиники.

— Кхм. Так вы хотите найти мистический подземный мир? Полая Земля, динозавры и атланты — так получается?

Лаптев посмотрел на него с искренним, почти детским возмущением — словно профессор сморозил глупость перед всем классом.

— Мистер профессор, вы же учёный! Какой подземный

мир? Это метафора! Это метафизическое понятие из области трансцендентного! Духовное убежище, а не дыра в грунте!

Коэн устало стёр пот со лба тыльной стороной ладони. Логика этого человека была скользкой, как намыленный угорь.

— Да уж... — выдохнул глава Директории. — Я даже не знаю, что вам ответить.

— Короче... Ладно, — Коэн барабанил пальцами по столу, принимая решение, которое ему самому не нравилось. — Ладно, мистер Рэйвен. Может, вы и зрите в корень. Планета действительно в глубокой заднице, это правда.

Он поднял указательный палец, фиксируя внимание:

— Стройте свои бункеры. Копайте хоть до ядра. Но с одним условием: никакой открытой пропаганды против Системы. Градус риторики снизить. И полный контроль — шефство за нами, за Директорией. Мы должны знать каждый ваш шаг.

Коэн хищно, оценивающе прищурился, глядя на Лаптева.

— Что касается вашей паствы... Эти религиозные до мозга костей фанатики вашей долбаной секты могут мне пригодиться. Идеальные биороботы.

Профессор брезгливо поморщился, словно от дурного запаха, исходящего от собеседника.

— А вам, господин Лаптев, следует провериться в психушке. Похоже, вы всё-таки передышали своего «весёлого газа» на проповедях. Мозги поплыли окончательно.

Он устало, как от назойливой мухи, махнул рукой охране, потеряв всякий интерес к «пророку»:

— Уведите его на хрен.

Охрана увела Лаптева. Двери сомкнулись.

Коэн долго сидел неподвижно, глядя в стол. Потом встал и подошёл к окну.

Антарктида лежала внизу — бурая, вскрытая, парящая. В последние недели небо над южным полюсом в сумерках становилось красноватым. Его метеорологи писали в отчётах про «аномальное рассеивание». Его физики молчали. А он — он смотрел на это небо каждый вечер и думал об одном и том же.

Лаптев был мошенником. Это очевидно. Жадным, ловким, беспринципным мошенником с харизмой ярмарочного фокусника.

Но котлованы он рыл в правильных местах.

Коэн не знал, как этот человек это узнал. И именно это — не наглость, не незаконные постройки, не спонсоры — именно это не давало ему покоя.

Он коснулся сенсора интеркома.

— Установить за ним наблюдение. Полное. И тихо.

Он убрал палец. Медноватое небо за стеклом медленно темнело.

Глава 3. Спецзадание

Профессор Ариэль Коэн сидел в своём кресле, тяжёлым, ритмичным движением барабана пальцами по столешнице из натурального морёного дуба. Встреча с Лаптевым оставила странное послевкусие, но мысли профессора были далеко отсюда — они всё ещё возвращались в душный биокупол на Мадагаскаре.

В ушах до сих пор звенел равнодушный голос «Пальца»: «Списать». Одно слово, перечеркнувшее три столетия космической эры.

Он коснулся сенсора интеркома:

— Илон, найди.

Когда помощник, бесшумный и исполнительный, скользнул внутрь, Коэн сделал резкий жест охране, дежурившей у входа:

— Вышли все. — Он заблокировал дверь активировав протокол приватности.

Дождавшись, пока гермозатворы сомкнутся, он перевёл тяжёлый, налитый свинцом взгляд на помощника.

— Так, Илон. Ты верно служил мне все эти годы. Я тебе доверяю, ты меня никогда не подводил. Но то, что ты услышишь сейчас, — это другой уровень.

Коэн подался вперёд, и свет настольной лампы превратил его лицо, в устрашающий череп, обтянутый пергаментной

кожей.

— Если ты хочешь выжить, то будешь держать язык за зубами крепко. А если проболтаешься... — Профессор говорил тихо, почти ласково. — Я вырву тебе язык, твоя новенькая шикарная яхта, на которую ты так долго копил откаты, внезапно потеряет герметичность посреди Тихого океана. Вместе с тобой, твоим братом, твоей женой, твоими очаровательными детьми и твоей любимой собакой. Несчастный случай. Страховая даже выплатит компенсацию... твоим дальним родственникам! Кивни, если алгоритм понятен.

Илон побледнел. Его кадык судорожно дёрнулся. Он быстро, как китайский болванчик, закивал:

— Да, господин. Всё понятно. Я могила.

— Этот сумасшедший аферист... Рэйвен... натолкнул меня на одну мысль. Его бункеры — это карикатура, но он хотя бы пытается выжить. А мы? — Коэн горько усмехнулся. — Ты видел новую директиву по космосу?

— Директиву о полном сворачивании программ и переброске ресурсов на «Ковчег» и «Термит»? Да, сэр видел, мне очень жаль вы вложили всю свою жизнь в науку и космос.

— Именно. «Палец» решил, что небо нам больше не нужно. Мы будем рыть норы, как кроты. — Коэн сжал кулаки так, что хрустнули пальцы. — На закрытом заседании в «Колыбели» я задал вопрос о людях на Титане. Знаешь, что мне ответили? «Списать». Пять тысяч человек. Заключённые — для них это просто строчка в балансовом отчёте, которую

нужно удалить. Но это и так понятно: для этих зажавшихся шакалов люди — ресурс, расходный материал, не более.

Он встал и подошёл к карте Солнечной системы, где Сатурн сиял холодным кольцом.

— Как ты знаешь, последний танкер сейчас летит забирать остатки метана и гелия-3 с Титана. После отстыковки приказано свести добывающую станцию «Кронос» с орбиты и сжечь её в плотной атмосфере спутника. Чтобы не тратить ресурсы на эвакуацию «списанного» материала.

Илон молчал, боясь даже дышать.

— Плевать я хотел на этот приказ, — отрезал Коэн, стукнув кулаком в стол. — Внеси изменения в протокол деактивации. Пусть отключится только ядро ИИ. И самое главное: дай полный доступ к ядру системы с правами администратора. Сними все пароли. Вообще все.

Илон вытаращил глаза:

— Но... сэр? Это же бунт если «Палец» узнает...

— «Палец» — исполнительный идиот, который видит только свою нору на Мадагаскаре! — рявкнул Коэн. — «Палец» думает, что спасает вид, загоняя его под землю. А станция «Кронос», известная в реестрах как «Фэсилити Зеро», — это моё детище. «Кронос» — это станция судного дня. На Титане тестируются системы в реальных экстремальных условиях космоса. Я над этим проектом всю жизнь работал! Там прототипы гравитационных установок в единственном экземпляре, там технологии, которые могли бы дать нам

звёзды! Нам бы не пришлось лететь в сраных цилиндрах! Пока я мечтал о космосе, человечество под руководством этих «демиургов» просто просрало родную планету.

Он перевёл дыхание и продолжил тише:

— Там, на рудниках, народ живучий. Зэки просто так сдыхать не захотят. Кто-нибудь из этих каторжников обязательно догадается вручную стабилизировать станцию, когда поймёт, что автоматика отключилась. Жить захочешь — и не такое сделаешь.

Коэн вернулся к столу и тяжело опустился в кресло.

— Я не позволю похоронить «Фэсилити Зеро». Пусть лучше станция достанется убийцам и ворам, чем сгорит в атмосфере Титана по прихоти тупого, жадного бюрократа.

Коэн выдвинул ящик стола и достал маленький круглый диск — точную копию тех, что использовали в «Колыбели».

— Теперь, что касается наших «друзей»-сектантов, — продолжил он, постукивая диском по столу. — Я полностью удалил базу данных о деятельности «Истинной Зари» с серверов Директории. Всю информацию я скопировал сюда, на этот защищённый носитель.

Он взял свой рабочий планшет, с хрустом переломил его об колено и небрежно бросил обломки в щель утилизатора.

— Чисто. Теперь даже копии нет. Вон она, в мусорке.

Профессор снова посмотрел на помощника:

— Но... государства, представленные в Антарктической Директории, знают, что в секторе велась какая-то актив-

ность. Лишние вопросы нам не нужны. Поэтому слушай легенду: официально деятельность секты пресечена и остановлена. А те котлованы и бетонные коробки, что они успели нарыть, отныне будут числиться в реестрах как... — Коэн на секунду задумался и улыбнулся. — Как «глубинные детекторы нейтрино». Наука требует жертв и земляных работ — никто проверять не полезет. «Глубинные детекторы нейтрино» — звучит настолько глупо и скучно на фоне глобальной катастрофы, что всем будет наплевать.

Он поднял палец, фиксируя внимание Илона:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.